

УДК 34.096

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖЕНЩИН В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© 2009 г.

А.В. Петров, Ю.В. Кокорева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

avpetrov@unn.ru

Поступила в редакцию 20.05.2009

Представлена попытка проследить этап развития женского общественно-политического движения в России в послереволюционный и советский периоды и определить степень его влияния на становление правового статуса, в том числе и политико-правового, российских женщин.

Ключевые слова: политико-правовой статус женщин, женское движение, послереволюционная Россия, Советская Россия, равенство полов.

Многие исследователи женского движения в России утверждают, что социалистическая революция 1917 года дала женщинам максимум возможностей для реализации принципа равноправия и повышения правового статуса женщин как субъектов общественно-политической жизни общества. По мнению С.В. Полениной, «Октябрьская социалистическая революция 1917 г. в России не только коренным образом изменила правовой статус женщин страны, но и дала заметный импульс попыткам решения «женского вопроса» в других, прежде всего развитых странах. Проблема «женщина и государство» стала подниматься и частично решаться как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе. Ей начали уделять определенное внимание международная и национальная общественность, в первую очередь женская» [1]. Советской властью в большей степени делался акцент на втягивание в политическое движение женщин как неотъемлемой части рабочего движения и как одной из основных его движущих сил. В своем выступлении на I Всероссийском съезде работниц в 1918 году В.И. Ленин отмечал: «Задача Советской республики – в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин... Положение женщины до сих пор оставалось таковым, что его называют рабским; женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти только социализм... До сих пор никакая республика не могла освободить женщину. Советская власть помогает ей» [2]. И в последующих своих работах Ленин указывал: «Буржуазная демократия на словах обещает равенство и свободу. На деле женской половине человеческого рода ни одна, хотя бы самая передовая буржуазная республи-

ка не дала ни полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчин... За два года Советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщин, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, «демократические» республики всего мира» [3]. В числе первых декретов Советской России, изданных в 1917 году, значились Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг, а также Декрет о расторжении брака, который «первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными... уничтожил разницу в положении брачного и небрачного ребенка и целый ряд политических стеснений; нигде так полно не осуществлены равенство и свобода трудящихся женщин» [2].

Однако, пропагандируя лозунг равенства всех трудящихся, в первом документе советской власти, посвященном правам человека, «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1918 года, вообще не выделялся принцип равноправия, в том числе равноправия мужчины и женщины [4]. В Конституции РСФСР 1918 года, в главе пятой статьи 22, говорилось только о принципе равноправия граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности и не упоминалось о равноправии женщин с мужчинами [5]. Лишь в статье 64 тринадцатой главы четвертого раздела фиксируется право «избирать и быть избранными в Советы... обоюбого пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» [5]. Причем и эта глава не гарантировала полного равноправия, а даже наоборот, установила открытую дискриминацию,

предоставив избирательное право лишь тем, кто «добывает средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом», а также солдатам и нетрудоспособным. Многоступенчатая система выборов делала практически невозможным рядовым гражданам влиять на состав высших органов власти. Интересно также отметить, что в статье 65 значительная часть женщин лишалась избирательного права именно по классовому признаку [5].

Говоря об этом периоде женского движения, нужно отметить, что немногочисленными советскими исследователями¹ эта тема рассматривалась через призму решения «женского вопроса» либо как неотъемлемая часть пролетарского освободительного движения под чутким руководством Коммунистической партии. Здесь нужно согласиться с И.И. Юкиной, которая в своих исследованиях отмечает: «Общая методологическая неразработанность темы социальных движений, соотнесение принципов их исследования исключительно с марксистским подходом, не позволяет качественно изучить этот социальный феномен. Марксистская, т.е. прежде всего классовая модель анализа движений огрубляет и упрощает даже рабочее движение, имеющее в своей основе классовый конфликт, и совсем не подходит к изучению классических общественных движений – либерального, женского, не говоря уже о новых движениях постиндустриального общества (экологических, пацифистских, сексуальных меньшинств и др.). Исследование социальных движений всегда означает исследование социального неравенства, по поводу которого и возникает разного рода конфликтное противостояние тех или иных социальных групп и классов» [6].

Согласно марксистско-ленинской теории все социальные изменения рассматривались через классовую теорию, а определение классов рассматривалось через «концепцию производственных отношений как определяющую жизненную позицию индивида» [6]. По этой теории классовые отношения в капиталистическом обществе определялись с позиции отношений господствующего и эксплуатируемого классов, и такими классами считались буржуазия и пролетариат. И поэтому все социальные противоречия в обществе объяснялись именно с позиций классовых противоречий, классовой борьбы. Причем субъектом социальных изменений и смены социального строя являлся пролетариат. «В рамках марксистской теории классовой борьбы, – утверждает И.И. Юкина, – любой социальный конфликт, который не ставил своей целью уничтожение капитализма, рассматри-

вался как ревизионизм, догматизм, оппортунизм. Понятно, что женскому движению, феминизму не было места в этой схеме. Поэтому исследователи женского движения (о феминистском речи не шло, считалось, что его в России не было) испытывали огромные сложности методологического характера по «вписанию» его в эту жесткую конструкцию» [6].

Эту же проблему выделяет и Юлия Градскова: «Интересы и потребности женщин трудящихся классов (рабочих и крестьян) виделись как общие для всего угнетенного населения и как противоположные интересам угнетающего меньшинства, а противоречия, существовавшие между мужчинами и женщинами трудящихся классов и, тем более, различными группами женщин, относившихся к классу угнетенных (работницами, женами рабочих, крестьянками, домашней прислугой и т.д.), фактически игнорировались» [7]. Да и сами представительницы «пролетарского» женского движения рассматривали его как «женскую сторону» рабоче-крестьянского движения, поскольку считали: «у работниц нет никаких специфических женских задач, нет специальных интересов, отличающихся от интересов всего пролетариата» [8]. Н.К. Крупская, в свою очередь, утверждала, что «в России и речи не может быть о выделении женщин в особые женские организации. Не таковы у нас традиции...» [9].

Тем не менее после победы социалистической революции 1917 года женское движение в Советской России продолжало существовать, но развивалось в ограниченных рамках рабоче-крестьянского движения.

На фоне массового вовлечения женщин в социальную и политическую активность в ноябре 1918 года в Москве прошел I Всероссийский съезд работниц и крестьянок. Инициаторами его проведения стали И.Ф. Арман, А.М. Коллонтай, К.Н. Самойлова. После победы революции это было первое общественное мероприятие в рамках женского движения, где были заложены его организационные основы в новой советской стране. Круг вопросов, решаемых на съезде, был определен историческими событиями, происходящими в России в тот период, а это было время гражданской войны, голода, беспризорности и т.п., и включал следующие направления: задачи работниц в Советской России, социальные вопросы, участие женщин в делах государства, вопросы образования и воспитания детей [9]. Среди почетных делегатов на съезде присутствовали В.И. Ленин, Клара Цеткин, Роза Люксембург, Карл Либкнехт. Именно на съезде в своем выступлении

перед собранием В.И. Ленин отметил, что «в строительстве нового государства могут и должны с успехом участвовать миллионы женщин» [9].

После Всероссийского съезда, 20 декабря 1918 года, в газете «Правда» была опубликована Инструкция ЦК РКП(б) по созданию Комиссии по агитации и пропаганде среди работниц [10] на общественных началах при обкомах и губкомах РКП(б), которая, в частности, гласила: «Закрепить работу съезда, создать при партии, как в центре, так и на местах, такой техничский аппарат комиссий по агитации и пропаганде среди работниц, при помощи которого наша партия могла бы пробудить сознание наиболее отсталых женских рабочих масс и вовлечь их в политическую борьбу за полное торжество коммунизма» [11]. Позднее комиссия была реорганизована в отдел ЦК по работе среди женщин, сокращенно называемый женотделом, который возглавила в 1919 году И.Ф. Арманд, а после ее смерти (в 1920 году) – А.М. Коллонтай. В период с 1919 года до конца 20-х годов прошлого столетия для «подъема политического сознания женщин и привития им навыка действия в публичной сфере» [7] женотделы стали создаваться повсеместно. Это был практически единственный орган женского движения, который распространял свою активность на всю необъятную российскую территорию. В отчете IX съезду партии так и говорилось: «Нет такого уголка в огромном советском хозяйстве, куда бы не проникла за истекший год женщина-работница и где бы она своим зорким хозяйственным оком и своей страстной энергией не внесла живую бодрящую струю» [12]. В задачи женотделов входило решение всей социальной проблематики того периода: социальное обеспечение, беспризорность, борьба с голодом, помощь раненым и больным (в годы гражданской войны), труд, народное образование и т.д. Ю. Градскова в своих исследованиях так оценивает работу женотделов: «Женщины-делегатки, избиравшиеся не только среди работниц, но и среди домохозяек – жен трудящихся, должны были участвовать в наблюдении за работой столовых и клубов, строительством и работой яслей и детских садов, охране женского и детского труда. Впоследствии работа делегатов была распространена и на деревню, где они занимались не только организацией яслей и красных уголков, но и должны были способствовать хозяйственному просвещению крестьян. Именно работа женделегатов впервые предоставила нескольким тысячам женщин

возможность попробовать свои силы в осуществлении властных функций в публичной сфере» [7].

Пик активности женского движения в Советской России пришелся на середину 20-х годов прошлого столетия. Женотделы созывали уездные, районные, городские митинги и конференции, где вели работу по разъяснению основ законодательства, которое гарантировало женщинам их права и свободы, а также следили за соблюдением его на предприятиях. Основными формами женского движения того периода можно считать делегатские собрания, на которые женотделы опирались на предприятиях и в местных Советах. Об активности женского движения того периода свидетельствуют различные документы съездов РКП(б), а также сохранившиеся архивные данные периодической печати в журналах «Коммунистка», «Работница», «Крестьянка», «Делегатка».

Одним из направлений женского движения в Советской России периода НЭПа являлось активное вовлечение женщин в ряды Коммунистической партии. В резолюции XII съезда РКП(б) «О работе РКП среди работниц и крестьянок» говорилось о необходимости углубления и усиления работы среди работниц и крестьянок и задачах женотделов по привлечению женщин в партийное строительство [13]. Так, например, исследователь женского движения в Нижегородской области Д.В. Рубцова отмечает: «В годы восстановительного периода (1921–1925 гг.), используя разнообразные формы партийно-классовой, культурно-воспитательной работы, Коммунистическая партия добилась значительных успехов в деле политического воспитания трудящихся женщин, что выразилось в активном участии работниц в профсоюзной, кооперативной, советской и партийной работе... Работницы привлекались в политические кружки, в которых изучали историю нашей партии, участвовали в открытых партийных собраниях ячеек, посещали школы политграмоты, лекции и доклады» [14]. Далее она приводит такие цифры по Нижегородской губернии: «Если по данным Всероссийской партийной переписи 1922 года женщины составляли 7.8 % членов партии, то к концу 1923 года уже – 9.6 %... Поворотным моментом в деятельности женотделов по привлечению женщин в ряды РКП(б) следует считать 1924 год, когда после смерти В.И. Ленина сотни тысяч работниц и рабочих заявили о своем желании вступить в ряды партии... К концу восстановительного периода в рядах Нижегородской партийной организации было 2532 коммунистки, или 12.2% от общего

числа ее членов и кандидатов» [14]. Приблизительно об этих же цифрах говорит Ю. Градскова, только в формате всего государства: «В годы НЭПа количество женщин – членов партии даже уменьшилось по сравнению с годами революции, что, очевидно, было связано с расширением других возможностей для реализации женской активности: в 1920 г. – женщины составляли 11% членов ВКП(б), в 1922 – 7.8%, в 1924 – 8.6%, в 1926 – 12.8%, в 1929 – 13.5%» [7].

Анализируя деятельность женских организаций Советской России, необходимо отметить, что некоторые методы их работы напоминали методы либерально-демократического (феминистского) женского движения дореволюционной России. Но, как отмечает Стайтс, «женотдел обладал лучшими ресурсами как партийное подразделение и способствовал высвобождению женского потенциала в наиболее отсталых и удаленных сообществах советских женщин» [15]. Немалой заслугой этому служило взаимодействие российского и международного женских движений. Связующим звеном этих организаций служил Международный женский секретариат, являвшийся органом Коминтерна, которым вначале руководила Инесса Арманд, а после ее смерти возглавила ярая сторонница советской власти Клара Цеткин [15]. Именно с ликвидации секретариата (он преобразовался в женский отдел ЦК Коммунистического Интернационала) начался «закат» женотдела. И тем не менее женотделы сыграли немалую роль в подъеме политической активности и политобразования среди всего русского женского советского сообщества.

Но в начале 1930-х гг. большевистская партия все меньше нуждалась в самостоятельных женских организациях, и женотдел потерял свою первоначальную силу и власть. В 1930 году принимается решение об упразднении женотдела в ВКП(б), так как, по определению Кагановича, «женщину пора уже начать выдвигать не как женщину, а как работника, полноправного, выросшего, развившегося» [7]. Стайтс приводит другую цитату Кагановича: «Женотдел был необходим, и в свое время он делал крайне важную работу, однако сейчас большинство женщин уже освобождены, и поэтому необходимости в специальном органе больше нет, так как эту работу возьмет на себя партия» [15]. Политическая работа среди женщин велась теперь женсекторами при местных комитетах партии. Женотделы сохранились до 1950-х годов, правда потеряв былую силу, лишь в южных и восточных регионах страны, где

борьба за освобождение женщины была наиболее сложна и активна. После фактического прекращения к 1934 г. деятельности всех делегатских собраний работа женского движения не прекратилась, хотя оно окончательно стало привязано к общим задачам государства и партии, теряя нить чисто женских интересов. И вплоть до нового открытия женсоветов в годы горбачевской перестройки никаких аналогичных им низовых организаций «обучения» женщин навыкам управления и «осознания» своих интересов создано не было, а сама память об их деятельности уничтожена [7].

В 30-е годы женское движение окончательно вошло в русло рабочего и потеряло всякую самостоятельность.

Во многом этому процессу способствовала принятая в 1936 году Конституция СССР (и соответственно Конституция РСФСР 1937 года). Это был, пожалуй, самый демократичный Основной закон Советской России, который закрепил принцип равноправия между женщиной и мужчиной на конституционном уровне. В статье 122 Конституции СССР (и соответственно в статье 126 Конституции РСФСР) говорится: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов» [5]. Закрепление равенства полов в Конституции государства как бы само собой предполагало, что все, к чему стремилось женское движение, было достигнуто, и дальнейшая его обособленная деятельность не имела смысла.

В конце 30-х годов началось активное включение советских женщин в международное антифашистское женское движение, которое зародилось в начале 1930-х годов в странах, где к власти пришел нацистский режим, ставшее частью общего антифашистского народного фронта [16]. В 1934 году по инициативе ряда стран, в том числе и СССР, был организован Всемирный конгресс женщин против войны и фашизма. В нем приняли участие более 1000 делегаток от разных стран со всего мира; был создан Всемирный женский комитет против войны и фашизма.

В сентябре 1941 года в Москве прошел Первый антифашистский митинг советских женщин, где звучали призывы ко всем женщинам мира объединить свои усилия и создать единый фронт по борьбе с ненавистным фашизмом. Это движение в СССР возглавил Антифашистский комитет советских женщин, который в 1956 году был переименован в Комитет советских женщин. В годы Великой Отечественной войны миллионы советских соотечественниц приняли непосредственное участие в военных действиях на фронтах и в партизанских отрядах, практически полностью заменили ушедших на фронт мужчин на производстве и в колхозах. Более 1 млн колхозниц овладели профессиями трактористов, комбайнеров, механиков, свыше 200 тыс. стали бригадирами и председателями колхозов [16].

В послевоенные годы женское движение остается верным идеям и задачам партии в развитии советского общества. В конце 50-х годов по инициативе Комитета советских женщин начали создаваться республиканские, городские и районные женские советы на всей территории страны. Их задачи и цели напоминали задачи и цели женотделов – вовлечение женщин в трудовую и общественную деятельность, широкая просветительская работа, участие в международном женском движении и т.д. Руководство над ними осуществлял Комитет советских женщин [12]. Но деятельность Комитета советских женщин вышла за рамки только борьбы против фашизма и руководства женсоветами. В послевоенное время во всем мире широко развернулось демократическое женское движение. Комитет активно принимал участие в этом движении и укреплял сотрудничество с международными женскими организациями, а также участвовал в работе по разработке нормативных актов советского правительства, касающихся всех направлений социальной, культурной и общественной жизни женщин в стране. Но справедливо будет отметить, что Комитет советских женщин (орган полностью подконтрольный ЦК КПСС) был единственной организацией, где женщины могли проявить свою активность, и в то же время совершенно не самостоятельный. Если проследить задачи женского движения в период 1930–1970 гг., то они были связаны с задачами, ставившимися партией и советским правительством перед всем советским обществом и не были независимы от них. Возрождение независимого женского движения в России началось лишь с конца 1970-х годов прошлого столетия.

Что касается политической активности женщин и их представленности в органах полити-

ческой власти России в исследуемый выше период, то оно носило в условиях административно-командной системы характер «бюрократических разрядок» [17]. Конституция СССР 1936 года (и соответственно Конституция РСФСР 1937 года) в статье 134 впервые в истории России установила принцип всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании [5]. Статья 137 Конституции СССР 1936 года (статья 141 Конституции РСФСР 1937 года) устанавливала, что «женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами» [5]. В Конституции СССР 1977 года (и соответственно в Конституции РСФСР 1978 года) принцип всеобщего, равного и прямого избирательного права был сохранен в редакционном измененном виде [5]. Но особенностью этой конституционной нормы являлось «положение о предоставлении женщинам равных с мужчинами возможностей с целью гарантировать не только равенство в правах, но и равенство фактическое» [18].

По данным статистики, женщины среди членов Верховного Совета СССР в период с 1937-го по 1986 г. составляли соответственно от 16,5% до 32,5%, среди Верховных Советов союзных республик – от 32% до 36%, среди Верховных Советов автономных республик – от 32% до 40%, среди всех структур власти низового звена (Советов народных депутатов) – от 27% до 50% [19]. Исследователями данной тематики указывается на то, что такой высокий процент участия женщин в представительных органах реализовывался с помощью негласной партийной системы квот для продвижения женщин. По мнению авторов гендерной экспертизы законодательства, конституционное равенство в избирательном праве было обеспечено при помощи специальных политических установлений Коммунистической партии СССР. Социалистическая демократия предполагала как необходимый элемент участие женщин во всех структурах власти на всех уровнях [19]. Многие авторы придерживаются мнения о том, что существующая с 1919 года квотная система, т.е. негласная партийная разрядка для женского представительства во власти, давала возможность женщинам активно участвовать в советской государственной политике.

Однако все больше авторов выступают против такой точки зрения. Например, Е.В. Кочкина в своих работах утверждает: «Сейчас бытует стереотип, что женщины в советское время «имели власть» и «эту власть им гарантировали квоты». На самом деле на долю женщин, выдвинутых по квотам от общественных органи-

заций, приходилось лишь 22.5%, если же не считать 80 женщин от Комитета советских женщин, то процент выдвинутых женщин по квотам был равен 14.7%. Соответственно квотная система обеспечивала 77.5% мест мужчинам, а не являлась системой исключительного продвижения женщин» [19].

Авторы гендерной экспертизы законодательства указывают на то, что «эти «нормативы» не были квотой, которую установило государство. Это было идеологической установкой партии, в соответствии с которой представительство мужчин и женщин олицетворяло победу социалистической демократии. Реально за этим стояла система руководящих органов ЦК Коммунистической партии, которая работала на демонстрацию успехов политики в отношении женщин... Общество не адаптировало идеологию и культуру равенства по признаку пола. Эта идеология «спускалась» сверху и, следовательно, не была по-настоящему встроена в реальные общественные отношения. Но иллюзия достижения равенства должна была отражать «успехи» социализма, и она это отражала» [18].

Анализ фактического участия женщин в деятельности Верховного Совета СССР показывает, что «бюрократические разрядки относительно выдвижения женщин служили лишь ширмой для решения других вопросов – обеспечения как бы рабоче-крестьянского характера высшего органа власти и сменяемости депутатов» [17]. К этому же выводу пришла и О.А. Хасбулатова, утверждающая, что «за счет включения женщин в списки народных депутатов одновременно решались проблемы репрезентации для рабочих и колхозников» [20]. Другой известный ученый, исследующий вопросы равенства полов, Е.В. Кочкина, приводит такие цифры женского партийного лидерства в советский период: «Если мы посмотрим пристальнее на рабочие органы ЦК КПСС – Политбюро, Оргбюро и секретариат с 1917 по 1991 годы, то лишь 7 женщин от общего числа членов органов ЦК КПСС были допущены к работе в них: Коллонтай А.М. (август 1917 г.), Яковлева В.Н. (август 1917 г.), Стасова Е.Д. (1917–1920, член секретариата ЦК: 1919–1920, член Оргбюро), Николаева К.И. (1924–1925, член Оргбюро), Артюхина А.В. (1926–1930, член Оргбюро), Фурцева Е.А. (1956–1960, член секретариата ЦК: 1956–1957, кандидат в члены Политбюро, 1957–1961, член Политбюро), Бирюкова А.П. (1986–1988, секретариат ЦК; 1988–1990, кандидат в члены Политбюро), Семенова Г.В.

(1990–1991, член секретариата ЦК и член Политбюро), Тургунова Г. (1990–1991, член секретариата)². Более того, там, где была сосредоточена настоящая власть – Политбюро ЦК КПСС, – за все время его существования появление единственной женщины в начале перестройки (Г. Семенова, главный редактор журнала «Крестьянка», лишь подтверждает традиционную непредставленность женщин во власти. До этого лишь Фурцева Е. (1957–1961 гг.) была членом Политбюро и Бирюкова А. – кандидатом в члены Политбюро (октябрь 1988 – начало 1990)» [19].

Далее приводятся автором довольно интересные данные о работе женщин-депутатов в Верховном Совете СССР в 1960–1970 гг. Эти данные основаны на работах Дж. Хью и К. Некмиаса, которые отмечали: «Как депутаты Верховного Совета СССР женщины были скорее видимы, чем слышимы: среди всех выступлений на сессиях ВС СССР между 1966-м и 1973 годами выступления женщин составляли всего лишь 10.5%, по вопросам об образовании, здравоохранении, социальном обеспечении процент выступлений женщин в три раза выше – 31%, и неудивительно, что по вопросам госпланирования, международных отношений и федеральных финансов женщины не выступали никогда» [19].

Анализ приведенных выше данных позволил автору сделать вывод, что существуют все основания считать «советский образец представленности по признаку пола сугубо декоративным» [19].

По многим параметрам с выше приведенными авторами можно согласиться. Говоря об этом этапе в развитии правового статуса женщин, можно констатировать формально закрепленное равноправие. Однако на фоне действующего в стране тоталитарного режима укрепление правового статуса женщин было не более чем иллюзией. Она быстро развеялась, когда страна, после кратковременной демократической эйфории, впала в глубокий кризис, охвативший все сферы социальной жизни.

Но нельзя отрицать и положительные моменты, которые имели место в эпоху социализма. С победой Октябрьской революции вопрос о равноправии женщины во всех сферах общественной жизни впервые в истории был поднят на государственный уровень. Россия одна из первых стран мира зафиксировала равенство полов на конституционном уровне, отменив законы, ущемляющие права и свободы женщин, ограничивающие их правовой статус.

Примечания

¹ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX в. Л., 1984; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 269 с.

² Сведения представлены на основании анализа данных справочника: Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК. Коммунистическая партия в лицах и цифрах. М., 1996. С. 64–80.

Список литературы

1. Поленина С.В. Женщина и государство: правовой аспект // Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции 1993 г. М., Наука, 1994. С. 16–26.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 37. М.: Изд. «Политической литературы», 1969. С. 185–187.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 39. М.: Изд. «Политической литературы», 1969. С. 285–287; или Ленин В.И. Советская власть и положение женщины // К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о женском вопросе. М.: Политиздат, 1978. С. 103–104.
4. Сборник нормативных актов по советскому государственному праву. М., 1984. С. 24–26.
5. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1999. С. 308, 314–315, 354, 355–356.
6. Юкина И.И. Избирательные права женщин России как историографическая проблема // http://inf.by/fc/23/?apache_pstnum=23&lang=r
7. Градскова Ю. Женщина и политическая система советского государства // Европа и Россия: опыт социального партнерства в интересах женщин // <http://www.owl.ru/win/books/voronezh2000/26.htm>
8. Арманд И.Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С. 67.
9. Бойченко Л.Д. Женское движение в России и Карелии: история и современность. // [url: http://archives.karelia.ru/kgani/news/branch/27.11.2003.php?document=3&print=1](http://archives.karelia.ru/kgani/news/branch/27.11.2003.php?document=3&print=1)
10. Календарь событий // <http://hronos.km.ru/sobytkalendar/1220.html>
11. Аверьянова А.К. Первый Всероссийский съезд работниц. 1999 // <http://www.a-z.ru/women/texts/aver.htm>
12. Музыря А.А., Копейко В.В. Женсовет: опыт, проблемы, перспективы. М.: Политиздат, 1989. С. 20, 32.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1896–1986). Том 3. М.: Политиздат, 1984. С. 125–126.
14. Рубцова Д.В. Повышение политической активности женщин, 1921–1925 гг. // Вопросы истории и истории культуры Нижегородского Поволжья, 1986 год. С. 154, 157–160.
15. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930 // Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 448, 464.
16. Женское движение. Большая советская энциклопедия // http://www.bse.chemport.ru/zhenskoe_dvizhenie.shtml
17. Новикова Э.С. Женщины в политической жизни России // Преображение (Русский феминистский журнал), 1994. № 2. С. 13–18.
18. Гендерная экспертиза российского законодательства (Отв. ред. Л.Н. Завадская). М.: Изд-во БЕК, 2001. С. 28, 272, 23.
19. Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina2.htm>
20. Выступление Хасбулатовой О.А. 26 июня 2001 г. на заседании гендерной секции РАПН. См. Кочкина Е.В. Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем. Сборник трудов под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкиной. СПб.: ИСПГ-Алетейя, 2003. // <http://www.owl.ru/win/books/genderpolicy/kochkina2.htm>

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF WOMEN'S LEGAL STATUS IN SOVIET RUSSIA THROUGH THE PRISM OF WOMEN'S MOVEMENT: A POLITICAL AND LEGAL ASPECT

A.V. Petrov, Yu.V. Kokoreva

This article is an attempt to analyze the development of women's social and political movement in Russia during the post-revolutionary and Soviet periods and to determine the degree of its influence on the formation of Russian women's legal status, including its political and legal aspects.

Keywords: women's movement, women's political and legal status, post-revolutionary Russia, Soviet Russia, equality of the sexes.